

Касимов Руслан Харисович

БАЛТИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ

В статье рассматриваются заимствования из балтийских языков в современном русском языке как самостоятельное семантическое поле, анализ которого позволяет выявить ключевые характеристики восприятия балтийского семантического "топоса": балтизмы как ассоциированный в русскую лексику и культуру феномен, как реликт исторического культурного взаимодействия, а также значимость балтийской лексики в русском языке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2(56): в 2-х ч. Ч. 1. С. 108-110. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

УДК 81'373.45

В статье рассматриваются заимствования из балтийских языков в современном русском языке как самостоятельное семантическое поле, анализ которого позволяет выявить ключевые характеристики восприятия балтийского семантического «топоса»: балтизмы как ассоциированный в русскую лексику и культуру феномен, как реликт исторического культурного взаимодействия, а также значимость балтийской лексики в русском языке.

Ключевые слова и фразы: семантическое поле; балтизмы; заимствования; лексика; межкультурные взаимодействия; этимология.

Касимов Руслан Харисович, к. филос. н.

Тюменский государственный нефтегазовый университет
rhkasimov@mail.ru

БАЛТИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ

В современном русском языке общее количество заимствований из балтийской группы языков незначительно. Из «Толкового словаря русского языка» под редакцией Н. Ю. Шведовой [3] можно выделить лишь десять лексем (без производных): баланда, валандаться, вентерь, ендова, ковш, кувшин, пакля, тюря, скирд, янтарь. Анализ балтизмов позволяет сделать определенные выводы относительно языкового архетипического образа культуры балтийского региона у носителей русского языка.

Проследим происхождение слов в «Этимологическом словаре» Фасмера.

Баланда – «вероятно, балт. заимств. из слова, близкого лит. *balanda*, лтш. *baluoda* “лебеда”, также лтш. *balanda* “лебеда”».

Валандаться – «заимств. из лит. *valandà* “промежуток времени, час”, вост.-лтш. *voluda* – то же из лтш. *valuoda* “язык, речь” <...> связанное с польск. *wolać* “звать”, чеш. *volati* – то же... далее, лит. *valandà* с *valíti* и лит. *vélti* “валить”».

Вентерь – «заимств. в разное время из лит. *vėnteris* “верша из ивовых прутьев”, лтш. *veñteris* “верша” (возм., заимств. из лит. или куршск.) от прибалт. **vente*, лтш. *viete* “прут”, которое связано, далее, с лтш. *uotainis* “береза, растущая на сухой почве, с круто поднимающимися ветвями, идущими на поделку веников”».

Ендова – «обычно объясняется как заимств. из лит. *indaujá* “шкаф для посуды”, *iñdas* “сосуд”... Лит. слово образовано из *in-* “в” и к. **dhē-* (см. *деть*)».

Ковш – «заимств. из лит. *káušas* “уполовник, ковш, большая ложка” наряду с *kiáušas* “череп, твердая оболочка, чаша”, лтш. *kaušs* “череп, чаша, ложка”, которые родственны др.-инд. *kōśas* “сосуд, бочка” (последнее в ср.-инд. вместо *kōśas* – то же, греч. *κωκίον* “кубок”»).

Кувшин – «возм., заимств. из лит. **kaušinas* “большой ковш” от *káušas* (см. ковш)».

Пакля – «заимств. из лит. *pākulos* мн., лтш. *pakulas*, которые сближаются с лит. *kūlti* “бить, молотить”».

Тюря – «по-видимому, заимств. из балт., ср. лит. *tjyre* “каша”».

Скирд – «заимств. из балт.; ср. лит. *stīrta* “стог сена”, лтш. *stīrta* “кровлеобразная сушильня для ярового хлеба в поле”, которые связаны, далее, с лтш. *stirpa* “кровлеобразная сушильня для ярового хлеба”».

Янтарь – «русск. слово заимств. из лит. *gintāras* – то же, лтш. *dzītars*, *dziñtars* (последнее, судя по наличию *-n-*, – курземский элемент). Брюкнер пытался связать балт. слова с лит. *genjys* “дятел”, лтш. *dzenis*, др.-прусс. *genix* – то же» [5].

Тематически балтизмы подразделяются на следующие подклассы: традиционное хозяйство (пакля, скирд, вентерь); действие во времени (валандаться); ценный поделочный материал (янтарь); еда (баланда, тюря) и посуда (ендова, ковш, кувшин). Эти темы демонстрируют свидетельство прошлого тесного взаимодействия между балтийскими и восточнославянскими народами. Согласно А. Е. Аникину, «подавляющее большинство балтизмов русского языка принадлежит диалектной, устарелой и / или древне-(старо-) русской лексике» [1, с. 190]. То есть, другими словами, указанные лексемы представляют собой свидетельства балтийско-славянского культурного взаимодействия.

Среди балтийских заимствований отсутствуют экзотизмы, все перечисленные лексемы ассоциированы в русский язык. Рядовой носитель языка едва ли воспримет указанные лексемы как заимствования, для русскоязычных они звучат вполне «исконно». То есть балтизмам удалось преодолеть культурную границу «своей-чужой», и они оказались полностью «освоенными» русским языком и культурой.

О характере межкультурного взаимодействия также говорит тот факт, что среди балтизмов современного русского языка невелико количество слов, означающих явления и предметы природы (отчасти таковым можно признать только «янтарь»). Большинство лексических единиц означает предметы и явления культуры. Лексика свидетельствует о близких контактах балтийцев и восточных славян в быту и сфере традиционного производства (сельское хозяйство, рыболовство, строительство). Природное окружение, как можно предположить, было общим. Это один из тех факторов, из-за которых проблематично дифференцировать древнебалтийскую и древнеславянскую лексику [Там же, с. 191].

Несмотря на утверждение о том, что «наличие балтизмов в русском и других славянских языках является следствием интенсивных контактов между славянами и балтами, начавшихся более чем 1,5 тыс. лет назад и продолжающихся до сих пор» [Там же, с. 190], очевидно, что процесс заимствования из балтийских языков прекратился. Поэтому существующие заимствования уместно было бы назвать реликтами эпохи активного балтийско-восточнославянского взаимодействия, которую А. Е. Аникин подразделил на четыре периода: а) праславянский (не позднее VI в. н.э.); б) славянизация восточными славянами балтов (VI в. – начало II тысячелетия н.э.); в) эпоха Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой (XIII-XVIII вв.); г) пребывание большей части литовцев и латышей в составе Российской империи и СССР (XVIII-XX вв.). Причем «славянская этимология, включая фундаментальные этимологические словари праславянского языка, допускает существование балтизмов эпох (а) и (б) весьма неохотно. Практически доминирует мнение, что балтийские элементы в праславянском вообще невозможно выделить» [Там же, с. 191-192]. Учитывая характер лексики, можно предположить, что период активного заимствования приходится на эпоху славянизации балтов (VI в. – начало II тысячелетия н.э.).

Также можно отметить тот факт, что балтийские заимствования представляют большей частью стилистически нейтральную лексику. «Низкая» лексика представлена просторечным словом «валандаться», ассоциируемую в современной культуре с тюремным бытом «баландой» (имеющей переносное значение «пустой разговор, болтовня (прост.)») и «тюрей», также имеющей пейоративную окраску (деривативом является просторечное «втюриться»). «Высокая» лексика представлена словом «ендова» (впрочем, имеющем в большей мере иронический оттенок). В поэтической лексике часто встречается атрибут «янтарный».

Следовательно, Балтия отражается в современной лексике как культура равная и, отчасти, культура «низшая» по отношению к «своей» культуре. Развитым примером «лексического высокомерия» являются тюркизмы и другие восточные заимствования, многие из которых из стилистически нейтральной лексики к нашему времени переместились в «низкую» (например, «башка» и «башмак» наряду с «голова» и «ботинок»). Балтизмы не демонстрируют такого уровня пейоративизации.

Косвенным показателем значимости лексики может выступить частотность. А. Вежицкая пишет: «Показатель, часто не учитываемый, состоит в частоте употребления. Например, если какое-то английское слово можно сопоставить по смыслу с некоторым русским словом, но при этом английское слово является распространенным, а русское используется редко (или наоборот), то данное отличие наводит на мысль об отличии в культурной значимости» [2, с. 30-31].

Анализ частотности по «Словарю» Л. Н. Засориной дает следующие цифры (общая частота): баланда – не представлено, валандаться – 2, вентерь – 1, ендова – не представлено, ковш – 24, кувшин – 12, пакля – 4, тюря – 1 (втюриться – 1), скирд – 1 (скирда – 6), янтарь – 9 (янтарный – 9) [4].

На фоне низкой частотности выделяются лексемы «ковш» и «кувшин», означающие предметы, часто употребляемые в быту. Остальная лексика производит впечатление незначимой в современном русском языке. Но такая незначимость характеризует только городскую культуру. В языке жителей села «пакля», «скирд», «вентерь» должны иметь большую частотность, и, следовательно, большую значимость. Однако исследования частотности «языка села» на настоящий момент не проведены.

В других славянских языках можно обнаружить те же слова, причем, наиболее многочисленны они у непосредственных соседей балтийских народов – белорусов, украинцев и поляков. При этом количество этих же заимствований в восточнославянских языках выше, чем в западнославянских, что позволяет предположить, что взаимодействие между восточными славянами и балтами было более интенсивным, чем с западными. В белорусском языке представлены: яндóва, ковш, кукушын, пакулле, скірта (сцірта). В украинском: вя́тер / «вентерь», ковш, кувши́н, па́кля, скірта (стірта). В польском: *wieciierz*, *wiecerz*, *wieciorka* / «верша», *pakuły* (мн.) / «пакля», *sterta* / «скирд».

Любопытным фактом культурного взаимодействия служит пример слова «янтарь», заимствованного во многие славянские языки через русский. Например, укр. янтар, чеш. *jantar*, словен. *jántar*, сербохорв. *jántar*. Это указывает на тот факт, что балтийские народы входили в контакт только с соседними народами. Распространение же лексемы осуществлялось посредством русского языка. Интересен так же следующий факт. У непосредственных соседей балтов – белорусов, украинцев, поляков, бытует другое слово – польск. *bursztyn*, бел., укр. бурштин, являющееся заимствованием из нем. *Bernstein* / «янтарь». Заимствования в объединенном польско-литовском государстве происходят преимущественно с Запада. Лексема «янтарь» распространяется как общеславянское уже после его крушения.

Итак, несмотря на небольшое количество балтизмов в русском языке, они представляют собой важный реликт межкультурного и межъязыкового взаимодействия. Анализ заимствованных лексем позволяет представить семантическую картину балтийского «топоса» в синхронии современного русского языка как целостного архетипа.

Список литературы

1. Аникин А. Е. Проблемы изучения балтизмов в русском языке // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 189-194.
2. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
3. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2007. 1175 с.
4. Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977. 936 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://vasmer.info/> (дата обращения: 03.12.2015).

BALTISMS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE AS A SEMANTIC FIELD

Kasimov Ruslan Kharisovich, Ph. D. in Philosophy
Tyumen State Oil and Gas University
rhkasimov@mail.ru

The article examines the borrowings from the Baltic languages in the modern Russian language as an autonomous semantic field analysis of which allows identifying the key characteristics of perceiving the Baltic semantic “topos”: Baltisms as a phenomenon associated into the Russian vocabulary and culture, as a relic of historical and cultural interaction, and the importance of Baltic vocabulary in the Russian language.

Key words and phrases: semantic field; Baltisms; borrowings; vocabulary; intercultural relations; etymology.

УДК 8; 81'347.78.034

Статья посвящена изучению комбинаторного потенциала переводческих трансформаций. Анализ показал, что оба класса трансформаций сочетаются друг с другом, однако структурно-уровневые преобразования обладают более высоким комбинаторным потенциалом по сравнению с содержательными трансформациями. Сочетание категориально-морфологических, лексических и синтаксических преобразований является доминирующим, что объясняется типологическими различиями английского и русского языков.

Ключевые слова и фразы: переводческие трансформации; комбинаторный потенциал переводческих трансформаций; структурно-уровневые трансформации; содержательные трансформации; современный американский художественный дискурс.

Коваленко Наталья Игоревна

Новосибирский государственный педагогический университет
natalya_kovalenko313@lenta.ru

КОМБИНАТОРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ К. КИЗИ «НАД КУКУШКИНЫМ ГНЕЗДОМ»)

Особый интерес для исследователя в современной теории перевода представляет комбинаторный потенциал лингвистических трансформаций. Многие лингвисты, включая Л. С. Бархударова [2, с. 190], А. Л. Семенова, Л. К. Латышева [5, с. 148], И. С. Алексею [1, с. 166] отмечали, что, несмотря на многообразие различных типов переводческих трансформаций, они редко используются по отдельности – чаще встречаются комбинации нескольких типов, что подтверждает их комплексный характер. Однако изучение комбинаторного потенциала переводческих трансформаций по-прежнему является важной задачей теории перевода.

Так как целью нашего исследования является изучение комбинаторного потенциала переводческих трансформаций в произведении К. Кизи «Над кукушкиным гнездом», которое относится к художественному стилю, целесообразно опираться на классификацию трансформаций Л. К. Латышева и А. Л. Семенова, которая позволяет выявить, какие содержательные изменения текста влекут за собой различные виды трансформаций. Авторы разделяют все трансформации на два больших класса: структурно-уровневые преобразования, которые не влияют на содержание текста, а затрагивают только статус языковых единиц и содержательные трансформации, влекущие за собой содержательные изменения текста [5, с. 133]. К первому классу преобразований относятся категориально-морфологические, лексические, синтаксические, стилистические трансформации [Там же]. Второй класс преобразований включает в себя ситуативно-семантические трансформации, перераспределение содержания, экспликацию и выпрямление [Там же, с. 133-138]. К более специфическому расхождению между языком оригинала и языком перевода авторы относят антонимический перевод [Там же, с. 150].

Анализ комбинаторного потенциала переводческих преобразований в художественной прозе показал, что, как структурно-уровневые, так и содержательные типы трансформаций используются в сочетании друг с другом. Так, среди структурно-уровневых преобразований сочетание категориально-морфологических, синтаксических и лексических трансформаций является доминирующим:

Every time I peeked back out there would be the smell of burning hair and a sound like sidemeat on a hot griddle [7, p. 361]. / А стоило только высунуть голову, в комнате стоял запах паленого волоса, и слышалось скворчание, словно сало шипело на раскаленной сковородке [4, с. 134].

Поскольку в русском языке отсутствует глагольная категория модальности со значением регулярности в прошедшем времени, представленная в английском языке модальным глаголом *would* + инфинитив, то при переводе она реализуется по-другому, за счет несовершенного вида глагола «слышаться». На синтаксическом уровне меняется тип предложения: простое предложение «there would be sound» с атрибутивным словосочетанием «like sidemeat on a hot griddle» трансформируется в сложноподчиненное предложение с придаточным атрибутивным «в комнате слышалось скворчание, словно сало шипело на раскаленной сковородке». К лексическим преобразованиям относятся следующие: эврисемичный глагол «to be», трансформировавшийся